Глава сто третья. За работой менталиста.

Для любящей друг друга супружеской пары яркий солнечный день посерел в один миг. Словно по щелчку выключателя. Заглохли чайки, стихли волны, и даже мирные отдыхающие растворились в пейзаже, уйдя далеко за второй план. «Пробужденная», звучало в головах четы Хейл. Пробужденная, но не обученная.

– Н-но… как?! Когда?! Я не понимаю! – Алурия приближалась к состоянию истерики, всё крепче смыкая руки на спине дочери, вжимая ребенка в объемный бюст, – Она не может быть пробужденным псиоником! В-ведь… она бы… умерла!

Пробужденная. Но не обученная. Девочка, юная Молли, уже была псиоником. Небольших сил, неспособная использовать свой дар осознанно, но всё равно – псиоником. Для знающих, понимающих людей – это дар. Подспорье во всем: в хозяйстве, коли таковое имеется; в бизнесе, если семья им занимается; в решении проблем, что неизменно возникают на жизненном пути. Однако, для тех же знающих людей, обнаружение пробужденного псионика несет свои нюансы. В первую очередь в самом факте уже прошедшего пробуждения.

– Успокойтесь, – вещал Роберт, транслируя поддержку на нескольких уровнях: физическом и ментальном, – Пробуждение возможно и без летального исхода. Это таинственный механизм, что не поддаётся анализу со стороны. Протекать оно может, как угодно, пусть всегда болезненно и зачастую плачевно, но далеко не всегда смертельно. Очевидно, с вами произошел как раз подобный случай. Подумайте, был ли период, когда Молли преследовали сильные головные боли, изможденне, кровотечение из носа или глаз? Высокая температура с переменным ознобом и жаром? Обычно подобные симптомы предостерегают о начале пробуждения: организм не понимает происходящих с ним процессов, и пытается противодействовать им, как умеет. И длятся они от пары дней, до нескольких недель, в зависимости от направленности и силы дара.

Алурия хмурилась, стараясь припомнить такие случаи, но на ум не лезло ничего. Но вот Ларгус… мужчина бледнел от каждого следующего симптома, что не осталось не замеченным.

– Мистер Хейл? Вы что-то вспомнили? – глаза псионика блеснули.

– Д-да… Когда Молли было четыре… Я думал, что это всё моя вина. Я думал… я… она же могла умереть! Чёрт! Могла умереть! Из-за меня!

– Ларгус! – свирепым персианом прошипела женщина, в шею которой вцепилась Молли. Поначалу девочка не понимала сути разговора, но те эмоции, что излучали ее родители, она улавливала с лихвой. Сейчас же… когда даже вечно спокойный, рассудительный и веселый отец практически полностью утратил самообладание, девочка не выдержала. Беззвучные слезы смочили шею Алурии, нервная дрожь, ощущаемая под руками женщины, предали матери сил вырваться из подступающей истерики, – Возьми себя в руки! О чем ты говоришь, и почему я ничего такого не помню?!

– Пф-ф-ф… – Ларгус устало растер лицо руками, пытаясь подавить нервозность, – У вас не будет сигареты?

– Простите… Не терплю влияющих на сознание веществ.

– Пять лет не курил… видимо так и продолжу, – смежив веки, он принялся дышать: равномерно и глубоко. Окружающие ждали, с пониманием относясь к подобному, и даже Молли чуть успокоилась, поглядывая на отца затравленным взглядом. – Это произошло, когда Молли было

четыре. Восемь лет назад. Ты тогда моталась по южному Синно, и домой заглядывала раз в пару месяцев… – женщина кивнула, принимая сказанное к сведению, и еще крепче прижала к себе дочь, – А я работал с… не с самыми легальными в Джото вещами. – теперь кивнул Роберт. – В одно утро Молли слегка приболела – ничего серьезного: легкий насморк да чуть саднящее горло… Как сейчас помню ее жалобный взгляд. Я не хотел оставлять дочку одну, потому изъял из лаборатории один из артефактов, чтобы изучить его в кабинете в особняке.

– ЛАРГУС!

– Он был безопасен, – защищался мужчина, – Все цепочки разорваны, основа полуистлевшая, энергии ноль. Даже я работал с ним без защиты… – Алурия злобно щурила глаза, вспоминая вечные скандалы по поводу наличия рунических артефактов в доме. Скандалы, что однажды полностью исчезли из ее жизни. Тогда она думала, что муж, наконец, взялся за голову… Что ж, вот и вскрылась истина. Ларгус не внял предупреждениям, а обжегся. Причем обжегся сильно. – Я отвлекся буквально на полчаса: должен был принять врача… Молли мы нашли в моем кабинете, без сознания. У нее был сильнейший жар, ее трясло, из глаз непрерывно текли слезы… А рядом лежали осколки древнего металла.

– И вы…

– Был уверен, что артефакт как-то повлиял на нее. Что его разрушение обнажило скрытую энергию… Но воздействия было недостаточно, чтобы серьезно навредить Молли, и если бы не ослабший из-за болезни иммунитет, то ничего бы и не было. Три дня она лежала с температурой, страдая то от жара, то от озноба. Давление скакало вверх и вниз, от меловой бледности до багровой красноты и крови из носа…

– Вы не обратились к врачу?

– Обратился. Доктор, вызванный еще в первый день, рекомендовал госпитализацию… Но если бы обнаружилось воздействие нелицензированных артефактов…

– Я понимаю, – кивнул Роберт. Ларгус старался не смотреть на поджавшую губы женщину, что не кинулась на мужа с кулаками только лишь из-за Молли, так что прояснять некоторые детали, которые, возможно, были неизвестны самому обычному, по сравнению с брюнетом, археологу, пришлось уже Роберту. – Незаконная работа с анноунами, – говорил он, – карается забвением. Полным. Если бы в ходе обследования обнаружилось их воздействие на Молли, а оно бы обнаружилось, то проверкам подверглись бы все ее контакты, все места ее перемещений. На вашего мужа вышли бы в первую очередь, и… всё. Полное забвение. Чистый лист.

– Три дня… на то, чтобы решиться отправить Молли в больницу, мне потребовалось три дня. Но к тому сроку болезнь сошла на нет. Полностью. Врачи обнаружили лишь легкую степень истощения, и всё. Никаких воздействий, ничего!

– Но ведь не может быть так? – шептала женщина, все еще злясь на супруга, но теперь уже больше волнуясь за дочь, – Пробуждение не может пройти без последствий.

– Не может. И я не говорил, что их нет. Ваша дочь, Молли, имеет явную предрасположенность к ментальным искусствам, а значит и последствия ее пробуждения должны были сказать на разуме. В первую очередь – на нем.

– Но… у нее нет никаких значительных отклонений. Моя девочка – самый обычный ребенок… Ничуть не хуже других детей ее возраста.

Дитя попыталась было выбраться из ставших совсем тугими объятий, но потерпела крах. Отвлекать взрослых от таких серьезных и таких интересных тем ей совсем не хотелось, так что девочке пришлось смириться. Временно.

– Вы показывали ее врачам? – продолжал допрос Роберт, – Вижу, что да. Значит, были поводы?

– Она… бывает немного рассеянной. Нам трудно концентрироваться на каких-то конкретных задачах. Молли осматривали, да, но только в рамках общей проверки организма.

– Хорошо, что вы следите за ее здоровьем. Плохо, что не обратились к компетентным специалистам вовремя. Дело в том, что разум – не то же самое, что и мозг. Разум сокрыт не в физическом теле человека, он находится гораздо глубже, но при этом на поверхности. Там, куда невозможно заглянуть без специализированного оборудования или знающего и умеющего человека под рукой. Именно поэтому повреждения разума может обнаружить только специалист этой области, и с уверенностью могу заявить, что к такому вы не обращались.

– Не обращались, – кивнул Ларгус, – И что нам теперь делать? Где искать таких специалистов? Есть ли больницы или клиники для лечения «разума» в Джото? Или в Канто? У нас есть знакомые, связи, деньги… что угодно!

Глаза ученого пылали огнем. Он был готов отдать всё, что у него было, лишь бы искупить давнюю ошибку. И свою слабость.

– Спокойней, – примирительно поднял руки Роберт, – В первую очередь нам необходимо выяснить, нужно ли вообще это самое лечение.

– Вы же…

– Да, я говорил, что в процессе пробуждения Молли повредила свой разум. Но… Разум – это очень тонкая материя, и бывают травмы, которые…

– Неизлечимы? – голос Алурии осип.

– Не поддаются лечению. Это не одно и то же, – поспешил уточнить псионик, – Неизлечимые раны остаются со своим владельцем на всю жизнь, время от времени напоминая тому о себе. Но от неподдающихся лечению можно избавиться, раз и на всегда.

– Ампутация?! – теперь осип и Ларгус, – Ты хочешь сделать мою дочь овощем?!

– Ни в коем случае. Да, вы правы, это действительно аналог ампутации. Но отсекается не «конечность целиком», а ненужные наросты. Полипы, рудименты, шишки, раз вам понятней с физиологической терминологией. В случае, если Молли придется пройти данную процедуру, ее способности псионика заблокируются, однако общий ментальный фон придет в норму.

Девочка не вытерпела, выкрутившись-таки из железных объятий. Чуть раскрасневшиеся глаза ничуть не портили заинтересованной моськи, что так и рвалась озвучить свой Вопрос. С большой буквы Вопрос.

– Это прекратится?

Взрослые Хейл недоуменно переглянулись. Слишком много на них вывалилось потрясений, чтобы парочка ученых могли правильно понять свою дочку. Но вот Роберту пояснений не требовалось: бывалый психолог, прекрасно знающий предмет разговора, понял ребенка

прекрасно.

– Да, – ответил он. – Тебя ведь беспокоят… странные сны?

Молли робко кивнула.

– Странные голоса на подкорке? Так похожие на твой собственный внутренний голос, но немного другие? Чуть громче, чуть тише…

– Да…

– Всё это прекратится. В любом случае прекратится. Либо ты возьмешь их под контроль, либо мы избавимся от них. Навсегда.

– Зачем?! Я не хочу от них избавляться!

Пришел черед хмуриться псионику. Мастеру менталистики, понимающему в происходящем куда больше, чем недоуменно переглядывающиеся взрослые. И хмурость эта разжигает в душах Хейл нешуточное беспокойство.

– Давай… Давай сначала навестим их? Ты хочешь их увидеть?

– Эм-м… Увидеть? Думаю… Думаю да. Да! Я хочу их увидеть, очень хочу!

Воодушевленная Молли лишилась должной осторожности, и вновь оказалась в нежных материнских объятиях, что сжимали подобно почуявшему добычу экансу. И более того, между ребенком и странным взрослым, говорящим странные, но такие притягательные вещи, встал отец. Хмурый Ларгус, что совсем не привык откровенничать с первыми встречными. Ларгус, который только что признался в совершении страшного преступления, кара за которое – смерть личности, полное очищение разума, со всей возможной и невозможной информацией. Признался первому встречному мужику, что открыто представился псиоником. Мастером ментального направления искусства.

– Вы…

Он даже не успел толком сформулировать претензию, как был перебит.

– Да, я влиял на вас. Совсем слабо: мне нужно было понять, что на самом деле случилось с Молли, и насколько это опасно. Обстоятельства, при которых проходило пробуждение, сильно сказываются на характере возможных последствий самого пробуждения…

– Да как вы посмели! – брюнет сжал кулаки, – Вы… Ты!

– Если вы хотите меня ударить – прошу, но сначала выслушайте меня.

– Слова – твое оружие… не мое.

Несмотря на сказанное, Ларгус расслабился. Он боялся за здоровье дочери, боялся даже сильнее, чем потерю самого себя. За ними наблюдали. Скар, Юпси, Ватерфолл. Пусть они были достаточно далеко, чтобы не слышать сути разговора, но взгляд всей троицы не отрывался от говорящих ни на секунду. Скар – доверенное лицо Оука, доверенное лицо Гудшоу… как и Роберт с Сабриной. Оук – тот, кому Хейл готов доверить свою жизнь. И если есть хотя бы малейший шанс, что сказанное псиоником – правда, Ларгус не простит себя, если не даст тому закончить.

– Говори…

– Благодарю. Уже сейчас я могу сообщить однозначно: пробуждение было. У Молли явная тяга к ментальной составляющей, и, с одной стороны, это хорошо. Будь иначе, и пробуждения она бы не пережила. И, возможно, захватила бы с собой отца и часть особняка. Весь процесс перенесся в слои разума, и проходил уже там, оставив снаружи лишь легкие побочные эффекты. С другой же стороны, сейчас я не в состоянии определить характер и степень внутренних повреждений. В чем я точно уверен: с возрастом эти проблемы не исчезнут. Повреждения углубятся, распространятся, и… рано или поздно, они затронут и физический слой разума. Уже затрагивают.

– Хочешь сказать, что наша дочь… Лора, уведи ее, пожалуйста.

– Нет! Я хочу услышать!

Очередная попытка вырваться была задавлена на корню.

– Молли!

– Не стоит. Вы провоцируете ребенка прибегать к своим силам. Их применение может негативно сказаться на общей картине. И да, вы правильно поняли. Если проблему не решить, рано или поздно мозг Молли выйдет из строя, – девочка глядела в глаза псионика, принимая жуткую правду такой, какая она есть. Без прикрас. Не было на ее лице ужаса или зачаток истерики. Лишь принятие. – Увы, мне неизвестно, когда это случится.

Ларгус безвольно опустил руки. Желания сражаться за неприступность собственного разума оставило мужчину. Было то дело рук Роберта, или же личная придурь ученого – разницы никакой, ведь на кону стояло нечто куда более ценное.

– Что можно сделать? – спросил он. – Вы ведь не просто так затеяли этот разговор? У вас есть решение?

– Есть. Вы можете обратиться напрямую в лигу. Составить запрос на имя Чарли, попытаться сослаться на авторитет Оука. И тогда к вам направят меня. Официально, со всеми сопровождающими бумагами, и гарантом моей компетенции выступит Чарльз, с Кантовским отделением лиги за спиной. Можете не сомневаться, причины того, почему Молли не была оказана своевременная помощь окажутся на столе Гудшоу, среди прочих отчетов. Возможно, следственный отдел начнет проверки, а может авторитета профессора хватит, чтобы прикрыть вас. Мне не ведомо.

Роберт затих, лишь на пару секунд, что казались взрослым вечностью.

– Или же… Вы можете попросить меня об услуге напрямую. Так и так я сделаю всё возможное, чтобы помочь девочке.

– И… Что вы потребуете за свою помощь?

Голос Алурии слегка дрожал, но взгляд ее был тверд. Женщина знала о «тайной» работе своего мужа… о том периоде, когда он вел свои исследования нелегально, и о том, кому направлялись результаты тех исследований. Сами по себе, за давностью лет, они более не представляли опасности, и от последствий семью Хейл сможет прикрыть протекция со стороны Оука. Другое дело, что стоит следователям лиги потянуть за эту веревочку, понять, с кем именно работал ее супруг, и тогда выбора у них не будет. Мозги Ларгуса вывернут наизнанку, в поисках всех

явных или скрытых нитей, ведущих отнюдь не в Канто или Джото… Женщина точно знала, что носители со всеми достижениями Ларгуса направлялись за пределы материка… Она не знала куда, и знать не хотела, но добра от подобного бизнеса ждать не приходилось. Вот и получается, что выбора у них и не было. С другой же стороны… Ну воздействовал на них профессиональный менталист, дабы вызнать всю правду. Если он не лгал, а Алурия и без рассказов Роберта была наслышана о процессе пробуждения псиоников, отчего и испугалась за дочь, то сделано это было ради Молли. И, чего таить, подобный подход женщина одобряла. Пусть и самой стать его жертвой оказалось неприятно.

– Право обучать Молли. Я ищу себе приемника, и если то, что я уже смог узнать о девочке подтвердится, то она – именно та ученица, что мне нужна.

– Ты хочешь забрать ее? – Ларгус не говорил. Шипел, рычал, цедил слова сквозь зубы, но не говорил, – Шантажом хочешь отнять у нас дочь?

– Что за глупости? Даже если вы обратитесь к лиге напрямую, и проблемы Молли решат без моего участия… – на лице псионика проявился такой скепсис, что и без слов стало ясно: не решат, – ей в любом случае предстоит пройти обучение в пансионе под Саффрон-сити. От двух до пяти лет с возможностью пару недель в году провести дома. А после либо принять личное ученичество одного из специалистов… того, кого поставят на мое место. Или же пойти по стезе боевого тренера. Пройти под руководство Сабрины. Я же предлагаю пропустить этап пансиона, и сразу принять ученичество. Под моим началом. Так или иначе, но с дочкой вы будете видеться. В первое время редко, но и отбирать у вас ребенка никто не будет.

Ларгус молчал. Руки его слегка потряхивало из-за накала эмоций. Легкие жгло нестерпимым желанием закурить. Он думал. Анализировал все известные ему факты… что были известны до встречи с Робертом. Сопоставлял их с давними событиями, пытался оглядеть всю картину целиком. Выявить ложь. Ученый очень хотел найти ее признаки. Хоть где-то, хоть в чем-то. Хоть как-то, но уличить псионика во лжи. Но как бы не старался, найти их не мог. Все выходило ровно так, как поведал им Роберт, и оттого на душе становилось лишь хуже.

– Я понимаю, что вам нужно время на размышления… Но поймите и вы: чем дольше вы оставляете проблемы девочки без решений, тем больший шанс, что они станут неразрешимы. Я пойду. Найдите меня через Сабрину, когда надумаете. Или же составляйте обращение Гудшоу.

– Я согласна! – грозно рявкнула Молли, едва Роберт закончил речь.

– Молли! – старшая Хейл вновь не справилась с ребенком, позволив той вырваться. Девочка замерла прямо перед псиоником, снизу вверх заглядывая в его глаза с ощутимой жадностью в своих.

– Я хочу стать вашей ученицей!

– Прости, девочка, но пока еще ты не можешь решать за себя.

– Но…

Блондинистая головка обернулась к родителям, ища в них поддержку и понимание. Ища в них благословление на свое будущее. И не находила их. Ни в обеспокоенном взгляде матери, что лишь силой своего самоконтроля не пыталась оттащить беззащитное дитя от любителя копаться в чужих мозгах. Ни в задумчивом отца. Она чувствовала их нежелание отпускать ребенка. И чувствовала всё возрастающее смирение. “Роберт не оставил им выхода!” – поняла

она вдруг. И сразу стало легче, радостней на душе.

– Что нужно делать? Подписать какие-то бумаги, провести оплату? И как скоро вы сможете ей помочь? – сдался Ларгус.

– Мы все обсудим, но не здесь. Предлагаю отправиться в больницу, чтобы я мог приступить к осмотру. Как я говорил, – взгляд Роберта вновь обратился к просветлевшему личику, – есть вероятность, что псиоником ей не быть… никогда.

– Но вероятность, что я им стану… она же больше?

Мужчина криво ухмыльнулся, едва удерживая себя от попытки растрепать блондинистые волосы. Ему точно нравился характер этой девочки, ведь даже сейчас, в столь простой вопрос она вложила не надежду на лучшее, а желание за это лучшее бороться. Ответь Роберт, что такой вероятности нет и вовсе, и Молли создаст ее своими собственными руками. Своими силами.

– Больше.

Ухмылка плавно обратилась улыбкой. Он протянул Молли руку, позволяя той как отстраниться, так и сделать шаг навстречу. И Ларгус, и Алурия, оба с беспокойством смотрели на крошечную ладошку, что была уверенно втиснута во взрослую лапищу.

– Тогда и вопросов нет. Мам, пап! Пошли!

***

Мы заняли лежаки у самой линии прибоя. Еще пара метров, и волны касались бы босых ступней. Впереди довольная Пенни что-то наквакивала Виви, умостившись на голове черепахи, прямо меж синих ушек. Та же в спокойном темпе катала лягушонка по волнам, иногда порыкивая в ответ. Победительнице аж двух битв не терпелось всё рассказать своей старшей подруге. В отличии от Лаки, что надутой мышью сидела на моем животе и позволяла кормить себя фруктами.

Проигрыш – это нормально. Это то, что рано или поздно случается со всеми. И мышка это понимала, да только… это ведь была первая ее серьезная битва. С действительно сильным противником. И пусть она приобрела очень многое, в плане опыта, но и потеряла не меньше. Моя вина. Не просчитал удар по духу пичу. Остается лишь подталкивать ее вперед, пытаясь перевести уныние от первого поражения в решимость стать сильнее. Но не сейчас. Сейчас мышке нужно успокоиться. Нужно принять свою обиду, и что, как не вкусное яблочко, способствует успешному ее перевариванию?

Возможно, это лишь оправдание моей неспособности правильно мотивировать своего покемона. Возможно, сейчас ей нужна напутствующая речь, а не молчаливая поддержка. Но, увы, сейчас я не мог полностью сосредоточиться на Лаки, и внимание ей уделял лишь поверхностно. Вряд ли она это заметила, ведь и сама ушла глубоко в свои мысли, но… не меньше духовного настроя мышки меня волновала сцена у самой границы пляжа.

Всеми фибрами души я ощущал колебания ауры Роберта. Лишь один раз он дал ей выход, позволив себе коснуться ауры Ларгуса, но каких-то значимых изменений я не ощутил. Лишь легкие волны, взболомутившие доселе ровный белесый туман, что также быстро вернул себе покой. Тем не менее, в течении всего разговора псионик… что-то делал. Что-то внутри себя. Возможно, пытался просчитать ход событий, а может напрягал все потоки своего сознания,

чтобы подобрать правильные слова, отследить все реакции. Не знаю… но благо есть у кого спросить.

– Это нормально, что твой отец воздействует на Ларгуса псионикой?

– Нет… – брюнетка бросила хмурый взгляд в сторону беседующих, а за ним последовал и любопытный «зырк» от рыжей мордашки, – Отец профессионал, и точно знает, что делает… Я поговорю с ним после.

– И Лили предупреди, – вставила Мисти, – Уж она-то найдет на него управу.

– Угу.

– А что он вообще делает? Что-то случилось? Нет, не подумай! – Рыжик подняла руки в примирительном жесте, едва хмурый «зырк» достался уже ей, – Если это не наше дело, то так тому и быть… но интересно же!

– Это… это не ваше дело. Извините за грубость.

– Всё в порядке. Но мне тоже любопытно: как работает псионик? Я ощущаю активное использование его сил, но… он как бы не вы пускает их во вне, используя только внутри себя.

– Скорее всего ты наблюдаешь активацию нескольких потоков сознания. Возможно, отец также пытается отследить состояние Молли… – Сабрина осеклась, – Кхм… Как на счет прогуляться по городу? Пока ваши шумный друг не вернулся?

– Я не против, – улыбнулась Мисти, поддержав смену темы, – Только соберу своих охламонов…

Девушка поднялась с лежака, соблазнительно потянувшись. Схватила свою любимую торбу, и изъяла из нее несколько покеболов.

– Постараюсь побыстрее, – подмигнула она, в тот же миг отлавливая своего псидака, – но ничего не обещаю. Голдин любит заплывать в глубину, а звезды и вовсе стремятся ко дну морскому.

И пока уверенная в себе тренер во всю наслаждалась водными процедурами, попутно пытаясь отловить юркую рыбку и отыскать на дне пару звезд, способных становиться прозрачными, я помогал Сабрине собирать вещи, заодно отозвав и своих покемонов. Ну и, конечно, продолжал следить за Робертом. Не сказать, что я удивился, когда тот попросту исчез в один миг, захватив с собой всё семейство Хейл, но это родило новые вопросы к Сабрине, на которые девушка совсем не горела желанием отвечать. Увы.

http://tl.rulate.ru/book/69663/3549606